

Содержание

Глава 1	
Первая столица капитала	5
Глава 2	
Эллинский мир	27
Глава 3	
Империя Вечного города	40
Глава 4	
На караванных путях халифата	69
Глава 5	
За Великой Китайской стеной	84
Глава 6	
Хозяева Средиземноморья	98
Глава 7	
От Брюгге до Антверпена	149
Глава 8	
Амстердам. История успеха	164
Глава 9	
Чего не хватало Франции?	211
Глава 10	
Мираж Южного моря	234
Глава 11	
Джентльменский капитализм	277

Глава 12	
Граждане мира.....	316
Глава 13	
Грюндерский крах.....	339
Глава 14	
Belle époque.....	372
Глава 15	
Бурные двадцатые. Финансы в стиле джаза.....	413
Глава 16	
Великая депрессия.....	437
Глава 17	
От золотых пятидесятих к унылым семидесятым.....	464
Глава 18	
«Большой взрыв».....	487
Глава 19	
Новая экономика.....	529
Глава 20	
Конец великой эпохи.....	561
<i>Литература</i>	598

Глава 1

Первая столица капитала

Деньги — самое ценное в мире сырье. Куда более ценное, чем нефть, газ, уран или высокие технологии: все это можно купить за деньги. А вот умение перерабатывать это сырье в финансовые услуги — великая и таинственная алхимия. Та алхимия, которая веками финансирует мировую цивилизацию и дает власть над миром. И первыми это поняли вавилоняне. Именно там, в Месопотамии, началась финансовая история человечества, а это нечто большее, чем только деньги. Ведь за ней стоят жизни и судьбы множества людей, народов и стран.

Первая столица капитала, Вавилон, была построена из кирпичей, и спустя века от «величайшего города, на который когда-либо взирало солнце», как говорили о нем римляне, почти ничего не осталось. Там, где стояли огромные крепостные стены, теперь пологие глиняные холмы на равнине. И сегодня взору предстают лишь восстановленные развалины среди жаркой пустыни в Ираке¹.

¹ По преданиям, в Вавилоне, этом первом мегаполисе, жило 700 тысяч человек. По подсчетам историков, конечно, гораздо меньше — 60 тысяч в период расцвета. Но для того времени и это очень много. В 1776 г. до н. э., когда была создана первая в истории система права — знаменитый свод законов царя Хаммурапи, Вавилон являлся самым большим в мире городом. А Вавилонское царство с населением около миллиона человек стало самым крупным на земле. Оно занимало большую территорию в Месопотамии.

В отличие от Греции, Рима и даже Египта Месопотамия почти не оставила следов в современной культуре. Греки и римляне строили из камня, поэтому неплохо сохранившиеся храмы с колоннами, величественные амфитеатры и дворцы помогают нам представить, как они жили, и лучше понять их мир. А на месте Вавилона и других некогда знаменитых городов — только оплывшие кучи обломков. Вавилонские строители имели не меньше опыта, чем греческие, но в их стране было мало камня, потому они строили города из материалов недолговечных. И когда люди перестали там жить, дожди, ветры и время быстро сделали свое дело. Поэтому нам труднее представить себе жизнь людей в Древней Месопотамии. И в самом знаменитом ее городе — Вавилоне.

Но и сейчас, спустя тысячи лет, Вавилон — «великая блудница» в библейской символике — все так же ассоциируется не только с ненавистным для большинства религий развратом, но и с не менее ненавистным ростовщичеством. И жаждой денег.

Появление кредита

Больше четырех тысяч лет назад произошло нечто такое, без чего невозможно представить себе современную цивилизацию, — появился кредит¹. Нравится нам это или нет,

тамии (Междуречье, где текли две великие реки — Тигр и Евфрат), весь современный Ирак, часть Ирана и Сирии.

¹ Тогда вся жизнь вавилонян вращалась вокруг храмов. Они стали огромными экономическими комплексами, где работали тысячи людей, от пастухов и ткачей до управляющих храмовыми хозяйствами, и там были накоплены немалые богатства. В храмах хранилась казна и выдавались кредиты. Купцы большинство своих сделок совершали с помощью займов, которые получали товарами или серебром (это были кусочки серебра на вес — в Вавилоне не было принято чеканить монеты). А крестьяне брали в долг ячмень, чтобы вырастить новый урожай, а иногда — чтобы дожить

но на нем с тех пор держится мир. Кредит, создавший новые окна экономических возможностей, оказался радикальной инновацией, не менее важной, чем изобретение колеса. В Месопотамии было обычным делом брать в долг: крестьяне занимали зерно, купцы — серебро, в кредит также покупали пиво¹ и даже дома.

Кредит настолько распространился, что стал причиной семейных ссор. История об этом сохранилась на одной из глиняных табличек нововавилонского периода. В 553 г. до н. э. супружеская пара взяла кредит в одном из вавилонских банков. По поручению супругов агент купил дорогой дом площадью около 100 кв. м за 5,8 кг серебра. Через некоторое время они погасили кредит, и муж решил приобрести еще один дом примерно такой же площадью за 4,7 кг серебра. Часть серебра он взял в долг у жены из ее приданого, а еще часть — у того же банкира. Но, как это часто бывает в жизни, вскоре между супругами возник спор. Видимо, муж не спешил отдавать жене деньги, она подала на него в суд, предъявила долговое обязательство на 3,5 мины (примерно 1,75 кг) серебра и выиграла дело. Однако судебный иск по возврату долга, очевидно, не сильно нарушил общее согласие в семье. Тем временем у супругов родилась дочь. Но они хотели сына и в 551 г. до н. э. усыновили мальчика. А когда муж со временем умер, вдова вместе с приемным сыном купила третий дом, опять взяв кредит у банкира.

до него. Земли, заливаемые водами Евфрата и Тигра, отличались плодородностью — если верить древним историкам, урожай часто во много раз превышал количество посеянного зерна. Так что отдавать ячменем долг с процентами для большинства крестьян было вполне реальной задачей.

¹ Хорошая питьевая вода была в дефиците. Пить речную воду не советовали, поэтому вавилоняне употребляли в основном сикеру — напиток из перебродившего ячменя, похожий на пиво. Сикера бывала и крепкой, но чаще всего слабоалкогольной.

Глиняные активы

«Пять шекелей чистого серебра (по цене Шамаша¹) Иддин-Рамман и его жена, Хумтани, одолжили у Шамаша и Иддин-йатуна. Если они увидят надпись на базарной стене (с распоряжением о возврате долга), они должны возвратить серебро и соответствующую процентную прибыль предъявителю этого документа. Три свидетеля. Месяц Элул (август–сентябрь), 35-й год правления царя»². Эта запись была сделана больше трех с половиной тысяч лет назад во времена царя Хаммурапи. Тогда такие долговые обязательства писали на небольших глиняных табличках (некоторые размером с визитную карточку, другие больше³).

На влажной глине острой палочкой из тростника делались надписи. Потом таблички сушили на солнце (позже — обжигали в огне), и они могли храниться тысячелетиями. Благодаря этому такие письменные источники и дошли до нас. Больше трети найденных табличек посвящены экономике — торговым делам, покупке земли и домов, займам.

Когда надпись на табличке была сделана, писец прятал ее в глиняный конверт. Глина раскатывалась тонким слоем, и в нее заворачивали посыпанную пылью табличку. На конверте повторяли написанный на самой табличке текст договора и ставили печати его участников — это делалось, чтобы избежать фальсификаций. Если текст документа вызывал сомнения, конверт разбивали и сверяли

¹ Имеется в виду храм Шамаша, бога солнца и справедливости.

² Hammurabi's Gezet. Bd. 1 (1904). S. 919. [Здесь и дальше приводятся сокращенные ссылки на использованные источники. Полное библиографическое описание см. в разделе «Литература». — Прим. ред.]

³ Длина табличек определялась длиной текста документа: чаще всего от 3–4 см (квитанции) до 7–9 см (договоры), иногда до 20 см (различные списки).

с текстом на табличке. Несовпадение надписей на конверте и табличке считалось явным признаком подделки. В отличие от наших бумажных конвертов, которые легко открыть, высохший глиняный конверт можно только разломать.

А вот надпись на базарной стене, вероятно, никто так и не увидел. Либо увидел, но не вернул заем. Ведь обычно после погашения долга глиняные таблички разбивались или размягчались в воде. Так что дошедшие до нас документы — это непогашенные долги. В те далекие времена такая надпись означала многое. Как можно понять, записи о долге — долговые обязательства — составлялись в стандартной форме, исключающей всякие неоднозначные толкования. Обязательно нужно было указать, в чем именно взят долг (серебро, зерно или еще что-то), и напомнить, что его необходимо вернуть с процентами. Дополнялась такая запись указанием места и времени возвращения долга, именами свидетелей и датой составления документа.

Долговые обязательства на глиняных табличках нередко передавали другому человеку. Поэтому должник при заключении договора не всегда понимал, у кого потом окажется этот документ и кому он должен будет отдавать деньги. Владелец таблички получал такие же права взыскать долг, как и первоначальный кредитор (как позже, через тысячелетия, при вексельном долге). Передача долга считалась тогда в порядке вещей, если об этом даже писали на базарной стене.

Так еще в те давние времена сделали решающее для будущего финансового мира открытие: активы бывают нематериальными (говоря современными словами, виртуальными). Это не только серебро, быки, овцы или мешки с зерном. Активом могла стать одна лишь надпись на глиняной табличке — долговое обязательство, которое

не просто приносило процентную прибыль, а еще и передавалось, служило средством платежа или товаром. Законы обеспечивали права на такую «глиняную» прибыль, и благодаря этому для жителей Месопотамии она стала совершенно реальной.

Кредитная история и долговое рабство

До законов Хаммурапи тот, кто не имел возможности вернуть заем, мог попасть в долговое рабство на время, пока не отработает долг. Хотя в нашем понимании рабы — это закованные в цепи чернокожие невольники, месопотамский раб по образу жизни не слишком отличался от нашего крепостного крестьянина XIX в. Рабство было скорее экономическим, и раб даже имел право подать в суд на своего хозяина. Предприимчивый раб мог найти выгодное дело и заработать денег, чтобы вернуть долги и обрести свободу.

После принятия законов Хаммурапи долговое рабство ограничили тремя годами. Но все равно сама мысль о долговом рабстве шокирует. Хотя умом понимаешь, что это в любом случае шаг вперед. Именно благодаря возможности взять займы ячмень голодная смерть заемщику уже не грозила.

Да что там говорить, еще 100–200 лет назад должника, не возвратившего деньги, сажали в тюрьму! Что объединяло Жана-Батиста Мольера, Даниеля Дефо, Рихарда Вагнера и Адольфа Гитлера? Долговая тюрьма. Понадобилось почти три с половиной тысячи лет, чтобы в 1898 г. появился американский Акт о банкротстве, по которому банкрот получал возможность начать новую жизнь без долгов — с чистого листа. Отношение к банкротству изменилось, и оно перестало быть позорным. Дело дошло до того, что в XXI в. президентом

крупнейшей сверхдержавы стал человек, неоднократно прошедший через банкротство, — Дональд Трамп.

Хорошая кредитная история ценилась еще в Вавилоне. Отказаться возвращать долг было рискованно — человек полностью лишился бы кредита. А на нем была основана вся повседневная жизнь¹. Ростовщикам приходилось реструктурировать долг или выдавать новый кредит, лишь бы должник продолжал выплачивать проценты. Это могло продолжаться не просто десятилетиями — долг передавался из поколения в поколение. Так накапливалась кредитная история и возникало понимание, что безупречная кредитная история — более ценный актив, чем отсутствие долгов. Ведь важно то, как мы обслуживаем свои долги по кредитам, а не тот факт, что кто-то их вообще не берет. У тех, кто не брал в долг, нет истории кредитования. Но мертвому такая история вообще не нужна. Так что плохая кредитная история живого лучше, чем безупречная — умершего от голода или обанкротившегося.

История успеха

Нам, конечно, нравятся такие люди, как Стив Джобс, Билл Гейтс или библейский царь Соломон, создающие благодаря своему таланту новое огромное богатство, не отбирая

¹ Обычной считалась прибыль 20%. Если земля, дом (сдаваемый в аренду) или другой бизнес приносили меньше прибыли, они были невыгодными. Иногда утверждают, что 20% — это проценты не за год, а за весь срок займа (см.: Мегор. 2005). Однако сохранившиеся таблички с древневавилонскими математическими задачами (они входят в известную энциклопедию «Урра-Хубулли») четко показывают, что проценты годовые. Например, говорится, что за пять лет сумма процентов станет равной самому долгу. Совершенно очевидно, что речь идет о 20% законных годовых (Выгодский. 2013. С. 144–145). Впрочем, это не мешало, конечно же, нарушать закон и выдавать кредиты под большие ростовщические проценты.

при этом кусок хлеба у других. Но в истории финансового мира бывает не только так. Зарабатывают и на чужих бедах, и на неудачах ближнего.

В VI в. до н. э., во времена правления библейского царя Навуходоносора II, в Вавилоне появился банкирский дом Эгиби, названный так по имени древнего рода¹. Основателем банка Эгиби стал купец Набу-аххе-иддин (дословно — «Данный богом мудрости»). Имя выбрали удачно — правильный нейминг всегда важен для бизнеса. Его отец был ростовщиком, поселившимся в Вавилоне в 590 г. до н. э. Набу-аххе-иддин быстро понял, что одни только ростовщические операции большого богатства не принесут — нужен иной размах и связи в верхах. И тут ему подвернулся удачный случай.

В те годы жил в Вавилоне знаменитый богач Набу-аплу-иддин, получивший крупное наследство. Наслаждаясь жизнью на полную катушку, он, как это часто бывает, быстро прогулял свое богатство. Оставалось жить в долг и брать деньги у ростовщиков. Набу-аплу-иддин не только был известным человеком, но и обладал личным обаянием. А тот факт, что от наследства уже ничего не осталось, он старательно скрывал. Поэтому ростовщики легко давали ему кредиты. Это продолжалось в течение 15 лет, пока долг не достиг огромных размеров. В 561 г. до н. э. Набу-аплу-иддин понял, что пора выходить из игры, и объявил себя банкротом.

И тогда все его имущество (а там были и дорогие дома, и земли) по дешевке скупил Набу-аххе-иддин, занявшийся расчетами с кредиторами. Тем, кто имел долговые обязательства, он предложил уплатить половину долга, а несогласным с такими условиями вообще отказался платить.

¹ Первые упоминания о роде Эгиби появляются в 715 г. до н. э.

На этом погашении долгов и распродаже недвижимости Набу-аххе-иддин настолько обогатился, что вскоре основал свой банк Эгиби.

Все это совпало по времени с приходом к власти царя Нергал-шарру-уцура. Его доверенным банкиром стал Набу-аххе-иддин, и несколько роскошных особняков, принадлежавших ранее разорившемуся богачу, перешли в собственность правителя. В финансовом мире Вавилона возшла новая звезда — приближенный к царю Набу-аххе-иддин из рода Эгиби. Когда престол занял Валтасар, Набу-аххе-иддин и при нем оставался придворным банкиром. Так началась история знаменитого вавилонского банка Эгиби, владевшего землями и жилой недвижимостью, принимавшего депозиты и выдававшего под процент кредиты, — далекого предтечи современных банков. Уже тогда предприимчивые вавилоняне поняли, что «торговля деньгами» — это не только простое ростовщичество. Первые «банкиры» расширили круг услуг — кроме выдачи кредитов они принимали вклады у клиентов, проводили для них безналичные платежи и оплачивали чеки. А это уже сугубо банковские операции. По депозитам платили в среднем 7% годовых, кредиты выдавали под 20%. На разнице получали прибыль. Правда, в отличие от средневековых итальянских банков, для вавилонских «банкиров» их деятельность не была основной, и в отдельную профессию она так и не выделилась. Неслучайно не появилось даже слово для ее обозначения.

Дело Набу-аххе-иддина продолжил его сын, Итти-мардук-балату, при котором во владении банка Эгиби оказались многочисленные дома, поля и рабы¹. Всю эту огромную

¹ Wunsch. 2010. P. 48–50.

недвижимость начали сдавать в аренду, так же как и рабов. Богатство и влияние банка росло. Так Мардуку-нацир-апли, наследнику Итти-мардук-балату, достались огромные деньги, и он стал вкладывать капиталы в международную торговлю. Но общее состояние вавилонской экономики ухудшалось — приближался конец этого древнего государства. Плохо пошли дела и у Мардука-нацир-апли — ему пришлось часть имущества банка Эгиби заложить, а часть продать царскому казначею Багасару. Новая недвижимость больше не покупалась, и, судя по всему, банкирский дом Эгиби оказался в критическом положении. Подробности его угасания история для нас не сохранила. Известно только, что в 485 г. до н. э. единственный сын Мардука-нацир-апли сдал в аренду принадлежавшую ему скромную тростниковую хижину. Арендатором был раб, и он платил обедневшему потомку Эгиби едой — дневной порцией хлеба. Похоже, дела пошли совсем плохо. А через три года Вавилон пал — его разрушили войска персидского царя Ксеркса.

Дело о фальшивом «векселе»

С защитой прав собственности в Вавилоне проблем не возникало. В вавилонском царском суде 22 октября 543 г. до н. э. слушалось дело о фальшивом «векселе». Истцом выступал уже знакомый нам Итти-мардук-балату, сын придворного банкира Набу-аххе-иддина, ставший жертвой вымогателей. В Вавилонии владельцы земельных участков старались их не продавать, но иногда долги вынуждали к этому. Так было с тремя братьями, земли которых купил за несколько лет до этого Набу-аххе-иддин для своего сына. Когда знаменитый банкир умер, двое из братьев явились к сыну и предъявили ему «вексель» на глиняной табличке

на сумму 5 мин (2,5 кг) серебра, которое они якобы взяли в долг под залог земель, уже проданных семье придворного банкира.

По вавилонским законам продажа заложенных земель запрещалась, сделка считалась незаконной, и кредитор имел право забрать их у покупателя. Братья предложили выкупить у них «вексель» всего лишь за 0,5 мины (0,25 кг) серебра. Однако сын Набу-аххе-иддина был опытным в таких делах и сразу заметил неувязку — ведь «вексель» должен находиться у кредитора. Он прямо спросил у братьев, как к ним попала эта табличка. И тогда один из мошенников понял, что обман не удался, и стал грызть табличку зубами, пытаясь уничтожить. Но сын банкира не растерялся и схватил его за горло.

А потом братья вместе с обгрызенным «векселем» предстали перед царским судом. Сначала они все отрицали, но судьи потребовали, чтобы явился кредитор. И тут оказалось, что никакого кредитора нет и это выдумка — братья хотели продать фальшивый «вексель», чтобы получить деньги. Суд постановил заковать мошенников в цепи до тех пор, пока они не уплатят огромный штраф — 50 мин (25 кг) серебра. Это был десятикратный размер суммы, указанной в подложном «векселе».

Купцы города Ур

«Купцов у тебя стало более, нежели звезд на небе»¹. Их стало действительно так много, что задолго до расцвета Вавилона в древнем городе Ур (где родился библейский Авраам), одном из крупнейших экономических центров, за две тысячи

¹ Книга пророка Наума, 3:16.

лет до н. э. возник целый деловой квартал. Ур, богатый и шумный торговый город на берегах Евфрата, считался древним уже во времена Авраама. Позже река изменила свое русло, и сейчас она течет в пяти километрах восточнее. В XVIII в. до н. э. это был самый процветающий город на земле.

А деловой квартал древнего Ура стал первым финансовым центром в человеческой истории. Он располагался в стороне от главной части города, рядом с причалами, которые использовались для морской торговли. От центральной площади расходились четыре улицы, тесно застроенные домами. В финансовом квартале Ура не сооружали роскошных особняков — в этом городе еще не накопили столько богатства, как в Вавилоне во времена банка Эгиби. Купцы Ура жили в простых двухэтажных домах, стоявших близко друг к другу вдоль лабиринта улочек и переулков, иногда настолько узких, что там и два осла не могли разминуться. Если пройти сегодня по раскопанным улицам древнего Ура (остатки домов сохранились там на высоту метр-полтора) и раскинуть руки в стороны, они упрутся в стены. Вход в дом вел во внутренний дворик, вокруг него находились жилые помещения, а на улицы обычно выходили глухие стены.

Во время раскопок Ура, проводившихся в 1920-х гг. англо-американской экспедицией (ею руководил сэр Леонард Вулли), под полом в домах купцов и финансистов нашли глиняные таблички с надписями об их операциях. Большинство из этих записей сделали при царе Рим-сине (1822–1763 до н. э.), правившем незадолго до Хаммурапи. Так у нас появилась возможность узнать, чем занимались жители делового квартала.

Вулли для удобства назвал улицы древнего Ура так же, как в английских городах. Это прижилось, и одну из улиц

в деловом квартале с тех пор все называют Niche Lane — «улицей Ниш». Как она называлась на самом деле, мы не знаем, да это уже и неважно. В доме №3 жил Думузи-гамиль — человек, известный в финансовом мире Ура¹. Он был тамкаром (лицензированным торговым агентом)² храма Нанны. Через его руки проходило огромное количество разных товаров (зерна, мяса, шерсти), предназначенных для храмового хозяйства. Еще он снабжал храм быками и овцами для ритуальных жертвоприношений.

Трудно сказать, что он представлял собой как человек, — ведь после него остались лишь лаконичные записи финансового характера. Да и жил Думузи очень и очень давно. Но даже из этих скупых записей можно понять, что он был хорошо образованным (для своего времени), уверенным в себе и осторожным со своими деньгами. Вместо того чтобы нанимать писца (как поступали тогда многие), он вел эти записи сам — не доверял никому свою конфиденциальную финансовую информацию. В те времена все знали, что нанятые писцы не умеют держать язык за зубами. Ясно и то, что был он успешным бизнесменом, человеком практического, делового склада.

В 1796 г. до н. э., незадолго до того, как Хаммурапи удалось объединить всю Месопотамию в одно большое государство, Думузи со своим компаньоном Шуми-абия взяли в долг 500 г серебра у Шуми-абума (начальника всех тамкаров города). Такие операции стали обычным делом среди купцов Ура. Думузи обещал вернуть свою долю с процентами

¹ В не самом большом по площади доме Думузи нашли более 40 глиняных табличек с записями коммерческого характера. Из них 15 касаются займов серебром.

² Все торговые агенты (тамкары) были купцами, но далеко не все купцы имели возможность стать тамкарами.

(297,3 г серебра) через пять лет. Интересно, что через некоторое время Шуми-абум перепродал этот долг двум купцам, Нур-илишу и Син-ашареду, которым Думузи и возвратил необходимую сумму в срок — в 1791 г.¹ Так что передача долговых обязательств в Уре уже была в порядке вещей.

Из записей на табличках, найденных под полом дома Думузи, мы узнаем, что он и сам давал в долг суммы поменьше на более короткий срок, а капиталы инвестировал в свой бизнес — пекарни.

Харраны

Возможностей для инвестиций в древнем Уре хватало. Одни вкладывали в производство, другие в торговые общества — партнерства купцов. Так поступал сосед Думузи-гамия — владелец корабля и самого богатого дома в городе Эа-насир (Эйянацир), создававший партнерства для торговли с портами Персидского залива. Его с компаньонами называли «предприимчивыми дельцами с Дильмуна». Из Месопотамии они везли на кораблях сельскохозяйственную продукцию в Дильмун (Тельмун) — Бахрейнские острова в Персидском заливе. Там месопотамские купцы покупали индийские и южноаравийские товары. Эа-насир приобретал медную руду по заказу царя, обогащал ее в собственной мастерской, и потом из нее изготавливали бронзовое оружие для воинов.

Однажды перед очередным плаванием Эа-насир создал партнерство из 51 купца, приняв от них серебро и товары, которые обещал обменять на медь, драгоценности и пряности. В сохранившемся тексте договора он не только

¹ Мiероп. 2005. Р. 26.

подтверждал, что получил от других участников временного партнерства ценности, но и брал на себя обязательство распределить потом прибыль между участниками пропорционально их вложениям. Возможные убытки также ограничивались размерами вкладов. Среди участников были те, кто сделал небольшие вклады, так что в подобные торговые объединения входили не только богатые купцы, но и мелкие индивидуальные инвесторы. Средний класс, как мы сказали бы сегодня.

В годы расцвета Вавилона партнерства купцов назывались харранами (*аккад.* «харрана» — дорога). Обычно они создавались для торгового путешествия, а прибыли и убытки делились между вкладчиками. Некоторые участники сами отправлялись в путешествие со всеми его хлопотами и трудностями, а другие лишь передавали для этого свои товары либо серебро. Для богатых вавилонян это был хороший способ вложить капиталы, пустить их в оборот и получить прибыль (от 20 до 50%), не обременяя себя заботами.

Договор об участии в партнерстве был довольно простым: «Шесть мин серебра поступило от лица 2 лицу 1 за участие в харране. Половину прибыли от того, во что будет вложен этот капитал... лицо 2 отдаст лицу 1. А шесть мин серебра остаются долгом лица 1 лицу 2 за участие в харране». Документ заверялся печатями трех свидетелей и писца, указывались место и дата.

Такие объединения могли существовать очень долго. В архиве банкиров Эгиби есть записи о харране, которые сохранялись 42 года, переходя от одного поколения к другому. Наследники не распускали объединение и не делили бизнес до тех пор, пока главный управляющий партнер не стал слишком стар, чтобы продолжать дело. Но даже

и после этого наследники еще несколько лет получали доход от своего участия в партнерстве¹.

Если не вдаваться в юридические тонкости (совершенно ненужные в данном случае), то очевидно, что такие партнерства, возникшие в Месопотамии четыре тысячи лет назад, были объединениями капиталов и, по сути, мало чем отличались от итальянских комменд², обычно считающихся прямыми предтечами акционерных обществ.

Если появление кредита было первой финансовой революцией в Месопотамии, то переход от кредитных отношений к партнерству стал новой революцией в мире вавилонского бизнеса. Он потребовал и революции в умах, и накопленных капиталов. Ведь если купец брал кредит (товарами или серебром), долг нужно было отдавать с процентами, независимо от того, сколько он заработал (или сколько потерял, если корабль утонул при шторме). Так что проблему рисков кредит никак не решал. А вот когда у купца появились партнеры, дело приняло совсем другой оборот. Они принесли свои доли (кто серебром, кто товарами), и у купца в руках внезапно оказался значительный капитал, что вдохновляло его предпринимательскую фантазию. А риски снизились. Все партнеры понимали риск и брали его части на себя в соответствии с размерами своих долей. Это создавало совершенно новые возможности для предпринимательства и сильно его стимулировало.

¹ Wunsch. 2010. P. 52–53.

² То есть командитных (от *lat. commendare* — поручать, верить) товариществ, или товариществ на вере. Члены таких объединений, начавших появляться в Средиземноморье в X в. н. э., получают возможность участвовать в партнерстве только вкладами, не заниматься непосредственно коммерческой деятельностью и нести ответственность лишь в размере своего вложения. Подробнее об итальянских коммендах и других формах финансовых сообществ, возникших в Средиземноморье, мы поговорим ниже.

Первый «Великий крах»

Думузи-гамиль, Эа-насир и другие обитатели делового квартала Ура хорошо заработали на торговле и кредитных операциях во времена правления Рим-сина. Как обычно, ничто не предвещало приближения проблем — купцы думали, что будут богатеть и дальше, тем более что бизнес у них был хорошо налажен. Но тут произошло непредвиденное: в 1788 г. до н. э. Рим-син издал указ, объявивший все займы недействительными. Слишком многие в Уре с его развитой системой финансовых услуг погрязли в долгах, которые не могли вернуть. Рим-син, наверное, понимал, что купцы следовали за ветром его политики, в какую бы сторону он ни дул. А финансисты пытались сами влиять на события. Через своих должников они приобрели заметную экономическую власть в городе, которая стала беспокоить царя.

После такого указа должники, конечно же, ликовали. А вот для кредиторов это стало крахом самостоятельного финансового бизнеса, не зависящего от царя и храмов. От такого события они не могли себя застраховать — никакая диверсификация рисков не срабатывала, если отменялись все долги. И действительно, после 1788 г. количество операций по оказанию финансовых услуг резко сократилось и вся финансовая система древнего Ура, весьма продвинутая по тем временам, быстро пришла в упадок. Ур перестал быть процветающим портом, и вся его торговля сошла на нет. Оказалось, что не так с кредитом хорошо, как без него плохо.

Был ли Вавилон инновационным городом?

На первый взгляд кажется, что все эти вавилонские толсто-мордые бородатые цари и статуи тяжеловесных быков несовместимы с самим словом «инновации». Может, еще и потому, что для нас инновации привычно ассоциируются с демократией и свободой. Однако Вавилон для того времени был достаточно свободным городом. Недаром тогда говорили: «Даже собака свободна, когда она входит в Вавилон».

Инновации действительно невозможны без экономических свобод¹, хотя бы минимальных. Основа этих свобод — право на собственность, появившееся больше трех тысяч лет назад в Вавилонии в своде законов Хаммурапи: в нем провозглашалось индивидуальное право на собственность, а ее владельцы защищались законом от кражи, мошенничества и нарушения контрактов. Это был первый полный по тем временам свод законов, созданный за полторы тысячи лет до Римской империи и римского права. Сама идея устройства общества, основанного на применении в судах письменного свода законов, стала не менее важным, чем кредит, вкладом Древнего Вавилона в представление о цивилизованной жизни. Как показала потом

¹ Как ни парадоксально, само слово «свобода» впервые употребили в документе именно в вавилонском обществе, далеко не демократичном. В Месопотамии под свободой понималось прежде всего освобождение от долгов. Царь должен был заботиться о народе, чтобы его не притесняли чиновники. По обычаю над царским дворцом в День справедливости зажигали факел, что означало очередную отмену долгов и освобождение рабов. Долги под процент упоминаются как нечто всем известное в одной из самых ранних надписей 2402 г. до н. э. В то время ростовщичество так расцвело, что многие оказались в долговой кабале. Урукagina, царь Лагаша, прославился тем, что издал указ о списании всех долгов, вернув жителям Лагаша свободу («амарги»).

история, верховенство права или его отсутствие и определяет ту границу между богатыми и бедными странами, которую труднее всего преодолеть.

Когда мы соприкасаемся с другими культурами, особенно древними, возникает соблазн передавать их понятия с помощью привычных нам слов. Называть простейшие письменные долговые обязательства векселем, первые партнерства — акционерными компаниями, ну и тому подобное. На самом деле здесь нет полных совпадений — все эти инновации создавались на основании совсем других систем права и культурных традиций. Поэтому вавилонские долговые обязательства лишь напоминают вексель, а общества вавилонских купцов — привычные нам партнерства и компании. Не будем забывать об этом.

Если посмотреть на результат, на то, что было создано нового в Месопотамии, то эта древняя цивилизация оказывается одной из самых креативных. Началось все с первобытных селений земледельцев и скотоводов. Потом за две тысячи лет там появились большие города, империи, новые технологии, наука, искусство, литература и первый свод законов. Да и наиболее радикальные финансовые инновации — банки и кредит с его письменными долговыми обязательствами (как и сама идея капитала)¹ — возникли в Месопотамии, а не в столь же древнем и могущественном Египте². Почему?

¹ Вавилоняне уже хорошо понимали главное свойство капитала — возможность приносить прибыль. Сумму, вложенную в дело, они называли «голова». Наше понятие «капитал», пришедшее через немецкий язык, тоже восходит к латинскому *caput* — голова.

² В Древнем Египте займы под процент так и не получили распространения. Займы там чаще всего имели форму взаимной помощи соседям, были беспроцентными и встречались не так часто. А каких-либо данных о существовании там торгового кредита у нас нет. Долг вообще считался в Египте виной, почти преступлением, в то время как в Месопотамии —

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru